

ВОЕННЫЙ БЫТ ЖИТЕЛЕЙ УЛИЦЫ КОМСОМОЛЬСКОЙ ГОРОДА ТАМБОВА, ГДЕ ЖИЛ СЯТИТЕЛЬ ЛУКА: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

В.Д. Орлова

преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация: Статья посвящена деталям повседневной жизни жителей города Тамбова в годы Великой Отечественной войны. Основным источником послужили воспоминания жителей улицы Комсомольской, на которой проживал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, горожане, быт Тамбова, архиепископ Лука, повседневность.

Архиепископ Лука во время его служения в Тамбове жил по адресу: Комсомольская улица, дом 9. Именно оттуда он ходил на службы в Покровский храм и на хирургические операции в военные госпитали города. Ученым для полноты характеристики личности часто приходится прибегать к реконструкции среды, в которой жил и общался исторический деятель. Причем микроисторический уровень исследования может дать яркие детали, характеризующие человека в эпохе. В подробностях тяжелого военного быта тылового города видны масштабы общенародного бедствия, о победном выходе из которого молился святитель Лука.

Так получилось, что родные автора статьи всю Великую Отечественную войну прожили в том же квартале Комсомольской улицы, что и архиепископ, в коммунальном дворе номер 23¹. Автор родилась и выросла в этом же дворе и много раз слышала рассказы родных и их знакомых, соседей по улице о военном лихолетье.

Квартал тамбовской улицы Комсомольской (до революции улицы Дубовой), в котором жил архиепископ Лука, всегда относился

¹ В статье использованы воспоминания о жизни тамбовчан в Великую Отечественную войну Орловой Веры Михайловны (1900–1990), в те годы работавшей на железной дороге, и Орлова Александра Дмитриевича (1927 г. р.), в те годы школьника, а затем студента железнодорожного техникума.

к приходу Покровской церкви. Домовладения принадлежали до 1917 года в основном зажиточному мещанству. После советского «уплотнения» маленькие домики оставили в собственности хозяев, а большие дома превратили в коммуналки. Жилплощадью стали каретные сараи, склады, красильни и т.п. хозяйственные постройки. Среди получивших такое жилье были семьи советских служащих и рабочих. Плотность населения коммунальных дворов была очень высока. К июню 1941 года выросло первое советское поколение молодежи. За четыре года войны на фронт из одного этого квартала ушли около 35 юношей 1918–1927 годов рождения и шесть девушек – их ровесниц. В 1941 году были призваны почти все мужчины 1890–1917 годов рождения.

Из некоторых семей ушли и не вернулись по три-четыре брата, а нередко еще и их отец или дядя. Вернулись с войны домой только четыре молодых парня, причем один с тяжелым психическим заболеванием, полученным от кошмара бомбежки под Сталинградом, и четыре девушки. Матери, сестры и жены ждали фронтовиков не только до Победы, а намного дольше. Вопреки здравому смыслу и похоронкам, они не верили в смерть своих близких не только в 1940-е, но и в 1960-е годы. Даже в середине 1970-х годов солдатские старухи-матери продолжали спрашивать подросшую дочку уцелевшего одноклассника сыновей, а не говорил ли папа, что видел их сынков на фронте. В одиночестве готовясь к смерти, они просили эту чужую внучку не забыть имена их детей и надписывали для нее бесценные фронтовые снимки павших.

Глубина горя не утихала у женщин и через 30 лет. Можно только предполагать, от какого великого отчаяния приходилось спасать прихожанок владыке Луке в годы его тамбовского служения. Война шла к своему завершению, поэтому в тылу все труднее было мириться с потерей родного человека незадолго до победы. Не случайно в дни очень значимых фронтовых побед архиепископ Лука обращался в своих проповедях с особо проникновенными словами о необходимости терпения, смирения и веры. Ведь он прекрасно знал, какая волна похоронок вскоре последует за каждым сообщением Совинформбюро об успехах на фронте и сколько похоронок будут как бы отсроченными, потому что военным медикам не удастся спасти часть тяжелораненых.

С первых месяцев войны возвращались домой инвалиды. Некоторые из них получали жилье на Комсомольской, как льготники, уже

после фронта. Отношение к чужим увечьям в военные годы было философским. Отсутствие глаза, ноги и даже обеих ног считалось почти удачей. Если не было левой руки, то это было неприятностью, а правой руки – бедой. Потеря обеих рук или полная слепота считалась горем. Но был на Комсомольской улице парень, об увечьях которого на жаргоне военного времени говорили «самовар печеный». У него были ампутированы и руки, и ноги, пламенем в танке изуродовано лицо, он был слеп. Наверняка, архиепископу, как и всем жителям улицы, был знаком грохот деревянной тележки на шарикоподшипниках, в которой мать с 1943 года возила изувеченного сына побираться. Ведь пенсия у него была небольшая, а она не могла работать, т.к. требовалось ухаживать за инвалидом. Стоять и просить милостыню было нельзя. Поэтому она просто регулярно возила его в ящике на колесиках за веревочку по базару, а, все понимавшие, люди клали в ящик туда, где должны быть ноги, продукты, махорку или папиросы, мелкие деньги. Соседки по улице, заслышав грохот возвращавшейся тележки, спешили к калиткам, чтобы поделиться нехитрой обеденной снедью. Эта печальная пара была еще жива в середине 1960-х годов. Очень вероятно, что созерцание и этого горя лишний раз наводило архиепископа и хирурга Луку на мысли о щадящих способах лечения тяжелых ранений. Ведь известно, как боролся он против распространенных в военно-полевой медицине поспешных ампутаций конечностей.

С первых месяцев войны население улицы пополнялось беженцами и эвакуированными. В 1942 году из-под Воронежа с ребенком на руках матери добирались до Тамбова пешком под бомбежками меньше чем за неделю. В основном их принимали в свое тесное неблагоустроенное жилье по так называемому «самоуплотнению». То есть, тамбовские женщины шли на эвакупункты и сами приводили своих новых квартиранток с детьми. Речь не шла о выделении эвакуированным отдельной комнаты. Их просто не было. В основном, каждая семья горожан сама занимала только одну комнату в коммунальном доме. Хозяйки и квартирантки просто уговаривались о месте для сна каждого жильца. Семья Орловых из трех человек занимала комнату 20 квадратных метров. В 1941-м они приняли беженку из Винницы с ребенком, а в 1944-м еще и эвакуированную из Ленинграда родственницу. Такая теснота не считалась чем-то необыкновенным.

Взрослые беженцы и эвакуированные обязательно работали. А их дети пополняли ряды тамбовской безнадзорной ребятни. Многие

матери не имели возможности ежедневно приходить домой после заводской смены, т.к. рабочие заводов подолгу бывали на казарменном положении. Железнодорожницы не бывали дома неделями. На детей и подростков ложились непростые заботы по дому (например, топка печки), отоваривание карточек на продукты, общественные работы по месту учебы (например, доставка на санках в учебные заведения торфа для отопления с торфяных болот из пригородного леса), посильная помощь в госпиталях. Но дети даже в военное время хотели играть. Среди мальчишеских «игрушек» быстро стало цениться настоящее оружие и боеприпасы, которые они добывали разными способами. Нередко забавы с ними приводили к увечьям и гибели детей.

Принял Тамбов и многочисленных сирот войны. Владыка Лука из окошек своего дома мог видеть территорию суворовского училища, младшим ученикам которого было только десять лет, а военного лиха они хлебнули сполна. Ведь в первую очередь училище принимало не просто сирот, а сыновей полков. У какого взрослого человека не шевельнется в душе и тревога, и нежность к мальчугану с боевой медалью на гимнастерке? А таких юных фронтовиков в училище в первые годы его существования было немало. Недалеко от Покровской церкви располагался один из детских домов, в котором содержались воспитанники в возрасте 7–14 лет.

Тамбовские жительницы усыновляли некоторых сирот, чаще всего девочек. О мотивах их поступка нередко приходилось слышать простые, но трогающие душу слова: «Как увидела ее, сердце так и оборвалось. Вот взяла и привела». Приемным мамам бывало от 18 до 50 лет. Документы на усыновление сирот войны оформлялись за два-три дня. О тайне усыновления речь не шла. Что скрывать, когда малышка, может, и не помнит свое имя, но помнит военные кошмары. У некоторых немолодых жительниц Комсомольской улицы хватало сердечной доброты и для подворовывавших, вечно недоедающих детдомовцев-подростков. Вместо того чтобы сдать застигнутого на месте преступления воришку в милицию, хозяйки его кормили, обихаживали и приваживали к своему дому на долгие годы. Эти большие ребята юридически не были приемными детьми. Но в 1970-е годы, став вполне благополучными зрелыми мужчинами, в глубокой печали прощались они с переходившими в мир иной своими спасительницами.

Постоянно общавшийся с горожанами владыка Лука, конечно же, знал немало сиротских судеб. Не случайно же он жертвовал сиротам свои средства.

Архиепископу Луке пришлось разделять с соседями по улице и многие бытовые военные тяготы. После начала Великой Отечественной войны в Тамбове было отключено электричество во всех жилых домах. Энергетические мощности города были невелики и требовались круглосуточно работающим для фронта заводам. Свет на Комсомольской улице вновь включили только в 1947 году. Керосиновые лампы тогда были в каждой семье, но вот керосин сразу же стал дефицитом. Поэтому умельцы быстро наладили кустарное производство коптилок из стеклянного пузырька, металлической трубочки и фитиля. В них жгли любые нефтепродукты или жир. При дрожащем свете «коптюшки» школьники учили уроки, люди писали и читали, женщины рукодельничали всю войну. На стекла окон в 1941 году все наклеили бумажные полоски для предотвращения разлетания осколков при близком взрыве. Бомбы упали далеко от Комсомольской улицы (ближайшие на Ленинской площади), и стекла всех домов так и простояли до конца войны с этими бумажными перекрестьями. Во всех дворах летом 1941 года были вырыты земляные щели для укрытия людей во время бомбежек. Прятались горожане и в своих погребах.

Большое внимание в 1941–1944 годах уделялось режиму затемнения Тамбова. На все окна полагалось повесить плотные черные шторы из бумаги или ткани и закрывать их в темное время суток. Часто для светомаскировки люди использовали крашенную в черный цвет бумагу от почтовых бумажных мешков. Дополнительно к шторам вечером закрывали ставни. Так что пройти по улице в темноте было непросто. Впрочем, действовал режим комендантского часа. Ночные пропуска выдавались очень немногим, но среди этих немногих был персонал военных госпиталей. Наверняка, и владыке Луке приходилось ходить по темной улице. В лучшем случае, у него мог быть армейский фонарик синего маскировочного света, работавший от батареек. В худшем случае, приходилось пользоваться жестяным фонарем с коптилкой или огарком свечки внутри. Этот фонарь делали так, чтобы его свет не могли заметить с самолета.

Серьезные проблемы были с топливом для обогрева жилья и приготовления пищи. Отсутствие керосина заставило забыть о примусах

и перейти к маленьким кирпичным печуркам, которые топили чем придется. Иногда кирпичом обкладывали железные буржуйки. Порой на листах железа клали на полу печурку целиком из кирпича. Некоторые умельцы уменьшали объем топок обычных печей-голландок, делая внутри топки дополнительную толщину кирпичных стенок. Уголь в войну некоторым горожанам удавалось украсть на железной дороге. Но по запаху дыма нетрудно определить, чем соседка растопила печку. Донос о краже социалистической собственности грозил большим лагерным сроком. Торф для отопления давали работникам некоторых заводов, но доставлять в город его надо было самовывозом. Приходилось впрягаться в сани и везти торф с мест торфоразработок, а временами и самостоятельно добывать его из болота. Валить лес для нужд населения было запрещено. На дрова шли старые сараи и заборы, плодовые и декоративные деревья во дворах и палисадниках, относительно ненужная мебель и деревянная утварь. Некоторые предприятия выписывали рабочим обломки деревянной тары или ненужного оборудования. Например, на анилино-красочном заводе (сейчас «Пигмент») это были использованные деревянные щиты от фильтров, а в вагоноремонтных мастерских – обрезки от обшивки товарных вагонов. В теплое время года женщины и подростки пешком ходили на окраину соснового леса за опавшими иголками и шишками. Этот вид топлива в Тамбове называли «колкой». Лес выметали веником до песка, подбирали все опавшие ветки. Холодной зимой для поддержания минимально жилой температуры в двадцатиметровой комнате требовалось шесть мешков колки в день. Сосновыми шишками растапливали самовары и утюги. Мечта согреться в своем доме сопровождала людей всю войну.

Водопровод работал с перебоями. Горожанам пришлось пользоваться водой из старых колодцев во дворах. В предвоенные годы из колодцев воду брали только для полива огорода и хозяйственных нужд. Приречные районы пили воду из реки. Стирали хозяйки дома, а полоскали белье круглый год в реке. Как раз недалеко от Покровской церкви на Цне было традиционное место для прачек, оборудованное летом плотом и мостками, а зимой широкими прорубями. Многие горожанки брали на дом стирку белья для госпиталей. Проходя зимой по Набережной, владыка Лука, наверняка, видел склоненных к воде женщин с красными и опухшими от холода руками, полоскавших вороха серых госпитальных простыней.

Хозяйственное мыло для города в войну было недостижимой роскошью. Его маленькими кусочками купали малышей и мыли женские косы. А стирали и купались в бане целиком, вываркой золы. Белье приходилось подолгу кипятить. Такая стирка решала вопросы гигиены, но не могла придать вещам белизны.

Медики и горожане очень боялись вспышки эпидемии сыпного тифа. Приходилось «прожаривать» вещи, которые тяжело стирать: одеяла, шинели и другую верхнюю одежду. Мужчины, мальчишки и все маленькие дети стриглись наголо. Многие женщины расстались с красивыми довоенными прическами из длинных волос. У каждой красавицы непременно был частый гребень для вычесывания головы. Торговля этими гребнями, кустарно изготовленными из коровьего рога, бойко шла на базаре. В Тамбове многие жители поймы Цны болели малярией, разносчиками которой были комары. Хинина, которым ее лечили, для тылового населения не было. Заболевшие люди продолжали работать, порой и не обращаясь к врачам. На фоне неполноценного питания, тяжелого труда и стрессов участилась заболеваемость туберкулезом, особенно среди молодых девушек.

Хорошо было знакомо всем жителям Тамбова и чувство голода. Снабжение тылового мирного населения по карточкам было очень скудным. Постоянно недоедали очень многие. Результаты недоедания горожан всех возрастов прекрасно видели медики. Владыка Лука старался помочь наиболее нуждающимся горожанам.

Исправно отоваривали только карточки на хлеб. Качество хлеба было плохим, т.к. его пекли из смеси ржаной муки и плохо очищенного дробленого овса. Перед едой надо было из кусочка хлеба вытащить колючие ости овса, остатки дробленых стеблей сорной травы и т.п. По карточкам на жиры могли выдать малосъедобное «сало лярд». Вместо сахара в одну из военных зим выдавали кусочки вяленой таджикской дыни. На соль карточек не было. Она сразу стала своеобразной тыловой валютой. стакан неочищенной крупной соли с озера Баскунчак (ее называли бузун) на базаре стоил половину зарплаты главного бухгалтера завода. Эту соль продавцы черного рынка воровали на железной дороге. В мелкую розницу ее продавали спичечными коробочками.

Привоз продуктов на тамбовский базар из сел был очень невелик. Колхозники сами недоедали. Молоко продавали дорого и только постоянным покупателям. Семьи без малышей его не покупали совсем.

Сложно было решать проблему питания грудных детей. Их матери имели всего лишь двухмесячный послеродовой отпуск. Кроха оставался с бабушкой, которой приходилось выпаивать внучка из блюдечка, как котенка. Резиновых детских сосок и маленьких мерных бутылочек было не достать. На кашу детишкам постарше в ступке толкли пшено.

«Подножным кормом» детей и подростков были дикорастущие съедобные растения, речные ракушки. Мальчишки военных лет с горечью сообщали матерям о плохом клеве рыбы. Ребята ловили на еду диких птиц, собирали из их гнезд яйца. Привычные для тамбовских жителей пригородные грибные и ягодные места в войну стали недоступны из-за размещения в лесу многочисленных воинских частей. Налеты голодных подростков на сады и огороды горожан были обычным делом.

С весны 1942 года в тамбовских дворах огороды вытеснили цветники и заросшие травой-муравой пустыри. Люди старались сажать те культуры, которые воришке нельзя съесть прямо с грядки. Невкусные корнеплоды, дававшие в вареном виде быстрое ощущение сытости, вполне устраивали огородниц. Обычно это были кормовая свекла и брюква. Реже сеяли зерновые – просо и пшеницу. Появились самодельные ручные мельнички (на них пшеницу превращали в крупу для каши) и нелегальные кустарные просорушки. Заводы стали давать рабочим землю под посадку картошки в районе современной старой телевышки. Эти заводские огороды охранялись. Единственным транспортом для доставки урожая домой были ручные тачки.

В войну по всей стране появились «барахолки», на которых люди меняли вещи на продукты. После тяжелых лет Гражданской войны и голода 1933 года у большинства семей не осталось ценных вещей. Поэтому на базар несли отрезы тканей, одежду, повседневную посуду. Заплаканные вдовы пытались обменять на продукты для сирот одежду их погибших отцов. Примерно через два года после ухода на фронт молодых парней их матери шли менять единственный праздничный костюм сына. Ведь если мальчик еще жив, то он возмужал, и костюм ему будет мал при возвращении. Острый дефицит постельного белья вызвал его кражи с веревок для сушки и перепродажу ворованного на «барахолке». Взамен разбившейся фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды в городские дома

на базаре покупали простые глиняные миски кустарного производства и солдатские алюминиевые кружки.

Довоенные семьи редко имели изобилие вещей. Поэтому к 1944 году тамбовчане обносились настолько сильно, что на заводах стали как-то решать проблему с одеждой работников. На анилинокрасочном заводе в качестве награды за труд передовикам производства выдали немецкие военные френчи с трофейных складов. Их обязательно перешивали, чтобы не показываться на людях в одежде захватчиков. Вернувшийся в 1946 году сын-победитель был изумлен, увидев на отце куртку, перешитую из немецкой формы. Девушкам в награду давали куски шелка от списанных парашютов. Из него шили блузки, украшая их вышивкой. Женщины радовались трофейным плащ-палаткам, из которых выходили неплохие прочные юбки. Очень ценились армейские ватники и ватные штаны, в которых в холода ходили и мужчины, и женщины.

Швейные машинки были необходимой и очень ценной вещью. В войну на них не столько шили новое, сколько перешивали и чинили старое. Домохозяйки ремонтировали госпитальное белье, шили из готового кроя пилотки и гимнастерки для выписывавшихся из госпиталей раненых. Из женских рукоделий на первое место вышла штопка – от обычной до художественной. Вышивали, в основном, мелочи: платочки, кисеты, воротнички, салфеточки, детские вещички. Самым популярным мотивом для вышивок стали незабудки. Если не осталось довоенных ниток для вышивки, то на них распускали голубую трикотажную майку. Вязали шерстяные носки, варежки и головные платки. Овечью шерсть горожанки покупали на базаре в виде руна и сами расчесывали и пряли.

На Комсомольской улице в войну стало мало собак. Самых крупных любимцев мальчишек в 1941 году призвали в армию в качестве одноразовых истребителей танков. Собаки мелких пород, страдающая от бескормицы, часто в поисках еды убегали со двора, а зимой становились добычей обнаглевших волков, рыскавших на том берегу Цны. Кошки были предоставлены сами себе, хозяйкам нечем было их кормить.

Несмотря на все тяготы, люди в войну не утратили духовных потребностей. Радиоприемники все сдали в 1941 году, но точка радиотрансляции была в каждом дворе. Черная тарелка репродуктора

в доме украшалась вышитой салфеточкой. Выключать радио не полагалось: вдруг предадут воздушную тревогу или что-то подобное. По радио слушали не только сводки Совинформбюро, но и музыку, спектакли, детские передачи. Комсомольская, 9 не могла быть исключением. Какой-то радиодфон неизбежно сопровождал и жизнь архиепископа Луки.

Газеты в то время в основном выписывали те горожане, от кого это требовали по работе (учителя, партийные и комсомольские работники и т.п.). Привыкшие читать книги люди не изменили своей привычке и в войну. Книжки на «барахолке» даже меняли на еду. В.М. Орлова сменяла на продукты любимые в семье собрания сочинений Майн Рида, Жюль Верна, Джека Лондона, подшивки журналов «Вокруг света» и «Всемирный следопыт», отдельные произведения А. Дюма. Этот набор книг для юношества нашел своих новых читателей, матери которых, несмотря ни на что, позаботились об их взрослеющих душах. Предметом обмена были и старые детские игрушки, необходимые малышам 1940-х лет рождения.

Не было в войну ничего дороже писем от родного человека. Вся страна перешла от конвертов к треугольникам, но зато вернулись практически выведенные в 1930-е годы из почтового обращения любимые многими почтовые открытки. Новые суровые военные открытки подходили не ко всякому случаю. Поэтому на базар понесли старые, нередко уже использованные дореволюционные открытки, а примерно с середины 1944 года предметом обмена и желанным подарком стали трофейные открытки. В них люди находили милые сценки мирной жизни, галантное ухаживание за нарядными дамами, сытых карапузов, забытую атрибутику христианских праздников. Старый текст зачеркивали или заклеивали и писали новый.

Иконы в красном углу на Комсомольской улице могли висеть только у тех, чья работа не была связана с требованиями советской идеологии, и у кого не случилось в 1920–1930-е детей-школьников. Антирелигиозный надзор в городских советских школах был безжалостным. Пионер был обязан убедить бабушку уничтожить «предметы культа». У Орловых иконы висели над входной дверью, чтобы вошедшая с проверкой учительница младшего сына не смогла бы с порога их увидеть. Ну а в комнату ее всячески старались не впускать. Лампадка зажигали только при плотно закрытых ставнях. В красном углу в роли своеобразной идеологической компенсации

висел портрет Сталина. Когда старший сын начал работать учителем, иконы пришлось снять и спрятать в сундук.

После открытия Покровской церкви и обращения владыки Луки к прихожанам многие жители Комсомольской улицы относили туда иконы и особенно книги тайно от соседей, так как боялись доноса о несоветском поведении. По печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР, пункту 10 не менее трех лет с конфискацией имущества можно было получить за хранение литературы, враждебной Советской власти, «с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке»².

Необычайную духовную ценность для людей в войну приобрели фотографии близких. Не было дома, в котором не висела бы большая рамка со вставленными в нее фотокарточками разных размеров. Чаще всего она висела в красном углу и всячески украшалась полотенцем, лентами, искусственными цветами. Недалеко от нее старались разместить домашние цветы. Ее убранство напоминало украшение домашних икон. У солдатских матерей рядом с карточками сыновей были и портреты их фронтовых друзей. Солдаты посылали такие фото для того, чтобы, если сын не вернется, мать бы поверила не казенной похоронке, а только словам этого верного друга. Если друг погибал первым, то сын сообщал, а мать оплакивала его как родного и оставляла фото на месте. По подобным фотографиям моя бабушка учила меня выбирать имена для кукол, ведь эти парни погибли вместо моего отца. У нее было четыре таких портрета. Если бы я родилась мальчишкой, одно из этих имен отец дал бы мне. Если же у женщины погибал сын, то только после войны она заказывала его увеличенный траурный портрет и вешала отдельно. А маленькую карточку возвращала в общую рамку, к друзьям и родным.

Пока шла война, похоронкам и извещениям «пропал без вести» старались не верить. Получив похоронку, поминок не справляли. Да и молиться продолжали, как за живого. Впервые в сознании людей солдаты приблизительно разделились на живых и убитых 9 мая 1945 года. На общедворовых нехитрых трапезах в День Победы захлебывались слезами и те женщины, которые похоронки уже получили, и те, которые только тревожно ждали похоронок после боев за Берлин. Все они знали, что написанное через день после боя извещение приходит адресату недели через три. Материнское чутье не подвело

² Уголовный кодекс РСФСР 1922 года / ред. 1927 г. Ст. 58, п. 10.

одну из них. Восемнадцатилетний Гена Соколов из восьмого номера пал смертью храбрых 5 мая 1945 года. Похоронка пришла 1 июня, после победных салютов.

Только в кино война заканчивается с последним выстрелом. В жизни она навсегда осталась в сердцах переживших ее людей и рикошетом зацепила послевоенное поколение. Окончательно осознать меру своих фронтовых потерь Комсомольская улица смогла только к концу 1946 года. Солдаты старших возрастов демобилизовались и пришли в родные дворы в декабре 1945 – марте 1946, а самые молодые воины – только к концу 1946 года. Тогда-то и стало понятно, кого же точно больше нет. 23 февраля 1947 года, поздравив фронтовиков-соседей с Днем Красной Армии, женщины впервые сказали друг другу, что дальше придется жить «бабьим царством».

Послевоенные малыши на Комсомольской были наперечет и любили их крепко всей улицей. Осиротевшие матери не ожесточились против счастья очень немногих товарок, ставших родными бабушками. А эти бабушки до конца своих дней несли крест невиноватой вины в том, что не разделили общей горестной судьбы. Вот и заставляла меня маленькую моя добрая бабушка Вера целовать страшного безрукого и безногого инвалида, чтобы я понимала свое счастье иметь красивого и целого отца-фронтовика. Доводилось мне лет в пять и моим друзьям-ровесникам играть в песочек с отцовским школьным приятелем, у которого после карусельной бомбежки остался разум трехлетнего ребенка. Если дети смели в игре обидеть инвалида войны, то любая из женщин нашего двора превращалась в разъяренную фурию, безжалостно каравшую обидчика и нежно утешавшую седого сорокапятилетнего «мальчика». Соседки вязали ему варежки, потому что он терял их часто, как ребенок, и покупали игрушки. Его мама в слезах вечером разносила в фартуке по дворам одолженные несчастным у детворы песочные формочки и солдатиков, всякий раз прося их маленьких владельцев не сердиться на ее больного сына. Никто из них не говорил нам о христианской любви, они просто в ней жили.

О том, что на нашей улице в войну проживал такой необычный сосед, как архиепископ-хирург Лука, нам, детям, взрослые говорили в безбожные хрущевские 1960-е с условием, что мы забудем рассказать про это в школе. Лейтмотивом их рассказов была его невероятная доброта к страданиям людей в войну.